

НОВАЯ ПРОЗА

две повести

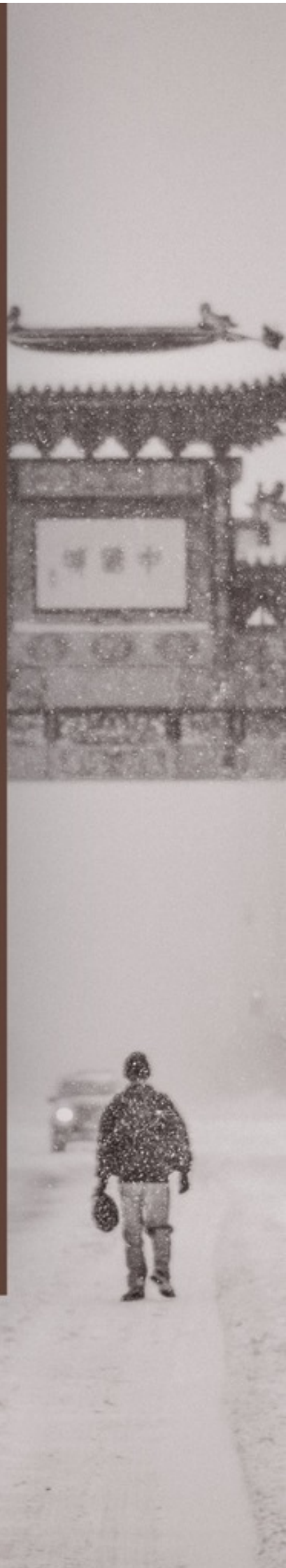
ПОМОЩНИК КИТАЙЦА Я ВНУК ТВОЙ

Илья Кочергин

издательский дом

Выбор Сенчина

Илья Кочергин

**Помощник китайца.
Я внук твой. Две повести**

«Издательские решения»

Кочергин И.

Помощник китайца. Я внук твой. Две повести / И. Кочергин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852819-4

«Помощник китайца» и «Я внук твой» своего рода диптих. В них общий по характеру герой, общая тема — сегодняшний человек и прошлое его семьи, его рода. Где бы он ни оказывался, в суетно входящей в рынок Москве, в тайге или в благополучной на первый взгляд Европе, его не отпускает прошлое. Повести о самом настоящем сегодняшнем дне. Но не об Иване, не помнящем родства. Он много помнит, но не знает, как быть со своей памятью. Как смело ринуться в нынешнее, включиться в борьбу за существование.

ISBN 978-5-44-852819-4

© Кочергин И.
© Издательские решения

Содержание

Помощник китайца	6
Дядя Ваня	6
Чарльз Пул	7
Трубка Сталина	10
Норма Шуберт	13
Девушка для бедных	19
Сун Ганду	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Помощник китайца. Я внук твой Две повести

Илья Кочергин

© Илья Кочергин, 2017

ISBN 978-5-4485-2819-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Помощник китайца

Повесть

Дядя Ваня

В нашем доме всегда было много гостей.

Старенькая, почти слепая бабка, вернее даже прабабка, проходя мимо прихожей в уборную, останавливалась у вешалки и чуткими сухими пальцами щупала *мануфактуру* чужих пальто, гладила ладонью подстёжку. Исследуя материал верхней одежды гостя, она делала вывод о его состоятельности, потом гадала о степени родства. В особо трудных случаях, например, когда к нам приезжал отцовский аспирант из Монголии, она осторожно осведомлялась у меня: «Нерусский-то мужик, он кем нам приходится?».

Я любил в детстве прятаться в её комнате под свисающую со стола скатерть и смотреть, как она, сидя на кровати и положив между колен свою клюшку, беседует с незримым собеседником, жестикулируя или задумчиво расправляя складки покрывала во время его ответов. Вполне возможно, старуха делилась с ним догадками относительно приезжих. Иногда она обсуждала эти темы с огромной бронзовой головой Людвига ван Бетховена, которая стояла на шкафу в библиотеке. Мы с братом звали его дядя Ваня. Узнав у меня, что по национальности дядя Ваня был немцем, бабушка частенько грозила ему пальцем за сожжённые сёла и за своего сына Лёньку, погибшего в самом начале войны, потом, правда, всё равно крестила взлохмаченного композитора и тихонько махала рукой. Нашу маленькую мохнатую собаку она обычно звала *кобелём*, но если между ними возникали трения, то *кобель* превращался в *татарина*.

Её беззвучная речь, шлепанье сморщенными губами заворачивали меня, я мог подолгу наблюдать за ней, сидя в засаде под столом и воображая себя воином-делавэром.

Бабкины подозрения относительно родства всех постояльцев, видимо, имели под собой основание, поскольку родители любили гостей и принимали их по-родственному. Квартира была просторная, и диван в большой комнате редко пустовал. Некоторые люди даже оставляли в шкафу свои тапочки, чтобы не возить их туда и сюда каждый раз. На лето к нам в Москву, спасаясь от жары, перебирались родственники из Ашхабада, кроме этого у нас жила моя двоюродная сестра, а позже осиротевшая одноклассница, поэтому из-за нехватки кроватей приходилось иногда доставать походные спальные мешки и устраивать дополнительные места на полу. Гости к этому привыкали, как привыкали к гулкому бою часов, к неистовому рёву холодильника, к нашей собаке, которая, вычёсывая блох, частенько колотила ногой в дверь, к сверчкам, жившим на кухне в трёхлитровой банке и сверчащим оттуда, как два будильника, всю ночь напролёт, к шарканью и запаху бабушки и к постоянно убегающим из коробки белым крысам, — их притащил с работы и поселил у нас брат.

Чарльз Пул

Бабушка не дожидая появления канадца Чарльза, который не только с удовольствием приходил в *настоящую-простую-советскую семью*, но и приводил к нам родителей своей невесты-француженки, а также их друзей по Сопротивлению. Иностранцам нравились высокие потолки нашей квартиры, портреты предка-революционера на стенах, свободный французский моих родителей и азарт, с которым отец говорил о необходимости перемен. Может быть, им нравилось именно сочетание всего этого. Впрочем, Чарльза скоро окружила чеченка Лиля, невеста из Парижа была им забыта, но мои родители ещё долго слали новогодние открытки во Францию, а иногда отправляли туда и маленькие бандерольки с коробками конфет фабрики «Красный Октябрь».

Лет через десять мы будем сидеть с Чарльзом на скамеечке около метро «Университет», пить пиво и разглядывать прохожих. Он с интересом, а я со скукой.

– Ты знаешь, тогда... Как сказать? Ну, в общем, сейчас, ты знаешь, я живу в Marburg, да? Я не курю, практически не пью совсем, я только целый день в архиве, в библиотеке. Но я приезжаю сюда и... сразу покупаю сигареты! Да, сразу. Я просто не могу без сигареты.

Он хочет, чтобы я разделял его удивление. Его очки сверкают. Он немного грустит.

– Тогда было такое время, – все хотели в Россию и все немного боялись. Если я приехал сюда, то я... Ты читал Scott Fitzgerald? Это было чем-то похоже... Ну, например, я – бедный студент, я чувствовал здесь очень богато. Многие девушки тогда готовы спать со мной, я это знаю...

– Помню, как ни придёшь к тебе, – у тебя новая. И все на меня волком глядели, считали, что ты их личный иностранец. Никто, кроме них, не может с тобой общаться.

– Да. Ты знаешь, это очень забавно, когда все тебя *любят*. Сейчас не так. Сейчас здесь больше похоже на Германию, на Канаду.

– Чем похоже?

– Тогда... О, извини, я ещё говорю... Тогда я каждый день ждал, сейчас что-то будет. Такое ожидание. Что-то хорошее, знаешь, славные перемены. И я думал – я тоже здесь, участвую. Чуть-чуть страшно и очень интересно. Да. – Чарльз смотрит на проходящих людей, улыбается, он немного возбуждён. – И ещё, тогда в России мне казалось, что я свободен.

– Как поживает твоя гитара, Чарли? Всё ещё пишешь песни?

– Практически не играю и тем более не пишу.

Мы часто приходили к нему в общежитие МГУ, в высотку. Сидя на лестнице, пели песни «Битлз» и Саймона с Горфанкелем, немного стесняясь, курили его сигареты и пили его же баночное пиво из «Берёзки». К нам подсаживались все проходившие по лестнице, иногда появлялся Джек, обычно босиком и в широченных подтяжках. Он жил в соседней комнате. Дальше по этажу была комната американского аспиранта Брайана. Мы гордились своим знакомством с Чарльзом, Джеком и Брайаном, мы нарочито небрежно рассказывали о них друзьям.

Правда, Брайан казался мне несколько нетипичным иностранцем. Он не участвовал в наших вечеринках, выглядел диковато в своих сандалиях и дешёвом пальто. От него не пахло зарубежным одеколоном и хорошим табаком. Мы как-то с ним вместе ехали от университета до Библиотеки имени Ленина.

– Как Чарльз с Джеком поживают, как там вообще все наши? Я недели две уже не заходил, – спросил я.

Его лицо стало безразличным.

– Конечно, хорошо поживают. Все поживают прекрасно. Они все одинаковые, эти студенты, которые приезжают в Россию. Они ничего не понимают. – Брайан наклонился ко мне

и понизил голос, его чёрные немытые волосы вздрагивали около моего лица. – Ты знаешь, им очень нравится эта страна!

– А тебе не нравится?

– Я её ненавижу. Я живу здесь уже три года. Я не могу уехать, пока не закончу свою диссертацию, и я знаю немного больше их. Здесь хорошо жить, если на тебе хорошая одежда, и ты ходишь вот так, – он задрал подбородок вверх, открыл рот и стал оглядываться вокруг с глупым видом. – Я покупаю советскую одежду, я смотрю вниз и стараюсь жить, как московский студент. Я не очень похож на иностранца, да?

– Да. Не очень.

– Ты видел толстого милиционера, который дежурит на входе в университет? Он обозвал меня *жидовская морда*. Тогда я показал ему паспорт, и теперь он всегда здоровается со мной, просит сигареты и улыбается. Здесь все такие. Ты можешь обижаться, мне всё равно.

– А почему же тогда ты живёшь в Москве?

– Потому что это то, что я хочу делать.

Этот Брайан не вписывался в солнечную московскую погоду конца восьмидесятых. То ли был слишком стар для нас, то ли мы с Чарльзом больше подходили друг к другу. Нас ожидало одинаково счастливое будущее, и мы не хотели омрачать его всякими ненужными мыслями.

Погода стояла солнечная ещё и потому, что я проводил большую часть времени, шатаюсь с моей любимой, с Алёнкой, по улицам, беспрестанно целуюсь, отогреваясь в подъездах, в магазинах или вовсе не замечая холода. Ещё, зимой я любил ходить по книжным магазинам и покупать географические карты, расстилать их дома на полу у ног и смотреть как будто с огромной высоты на все те места, в которых я когда-нибудь побываю. А потом я радовался наступающему весеннему теплу и переживал с любимой всё то, что потом становится дорогим воспоминанием и держит людей вместе, хотя уже приходит время расставаться.

Чарльз был в восемьдесят девятом году на моей свадьбе. Филологическая внешность, футляр с гитарой, бабочка. К вечеру, выпятив тощий живот и покачиваясь, он пытался закурить чей-то «Беломор», вставив его в рот не тем концом. Потом кричал на «невежливый полисмен», который прибыл по просьбе соседей выяснять причину шумного веселья. Уводили Чарльза две девушки – Алёнкины подруги, поддерживая за руки, шатаясь и напевая «Yesterday». Как они его потом поделили, я не знаю.

*Я встретил её, когда поднимался в лифте,
В лифте, где было много людей.
Её волосы щекотали мне лицо,
Её прекрасные, её роскошные волосы русской красавицы.*

*А теперь я сижу один в своей комнате,
В студенческом общежитии в чужой стране.
Я не знаю номер её телефона,
И, может быть, никогда больше не встречу её,
И московская луна светит в моё окно.*

*Ре. И поэтому, мистер, мистер Горбачёв!
Позвоните ей и скажите,
Что одинокий канадский студент
Ждёт её.
Вы столько обещали всему миру,
Так сделайте же хотя бы одно
Маленькое доброе дело.*

Просто позвоните ей!

(Одна из сочинённых Чарльзом песен)

– Ты знаешь, я сейчас пишу книгу о том, что видел тогда. Я писал о тебе и твоей семье, потому что это действительно было славно.

– Ты просто молодой был, поэтому тебе, наверное, и казалось всё так здорово.

– Нет, в самом деле было так! Ты хочешь сказать, мы старые? Совсем не так. Нет, теперь этого почти нет, но тогда... Я говорил тебе, как мне одна женщина отдавала свою дочку?

– Нет.

– Она отдавала, просто чтобы я спал с ней. Я был на Старом Арбате и стоял около киоск. Мне нужно было купить немного пива и что-то покушать. Была очередь. Рядом со мной стояла молоденькая девушка, и я несколько раз смотрел на неё, потому что кожа очень красивая. Не больше шестнадцать лет. Это была немного восточная девушка и, может быть, поэтому очень чистая кожа. И тогда её мама сказала ей, чтобы она пошла со мной. Мы были вместе два дня, и я отвёз её домой. И это всё! Просто так! Я не понимаю. Но это хорошее приключение!

– Ты прекрасно говоришь по-русски, Чарльз.

Отец умер вскоре после отъезда брата за границу. Брат был старше меня на десять лет. Дом опустел. Стол под хрустальной люстрой в большой комнате накрывался редко. Приходившая к матери тётка чаще уединялась с ней в кухне или на диванчике в спальне, и они перебирали воспоминания. Вещи застыли в неизменном со смерти отца порядке, постепенно теряя своё вспомогательное для жизни значение и становясь символами.

К этому времени я успел поехать по стране с экспедициями и стать папой. Как-то незадолго окончилось время, когда «было славно».

– Ты хорошо сделал, что позвонил мне, молодец. Застал меня в Москве. Как телефон-то не забыл?

– Я ещё был в Москве несколько лет назад. Два года назад. Но ты был в Сибирь. Я говорил по телефону с твоей мамой, да? Но я знаю, что умер твой отец. Это ужасно... Да, а где брат, он хотел жить в United States, он уехал?

– Он давно уже уехал.

– Ты сейчас живёшь в Сибирь? Один? Это интересно. А дочка?

– Она осталась с Алёной, я с ней редко встречаюсь. Мама иногда берёт её к себе на выходные.

– Да, Сергей, у тебя была жена и теперь, когда вы разошлись, ты, наверное, должен иметь хороший опыт. Скажи мне, что им надо? Потому что я не знаю, что надо для моей Лилки. У нас квартира в Marburg, ты знаешь сколько? Семьдесят метров. Это достаточно для двух человек, не так ли? Она покупает себе новую одежду постоянно. Но она хочет, чтобы я оставил работу, и ехать в Канада. Зачем?

– Чарли, я тебе могу рассказать, как отличить след кабана от следа оленя, это несложно. Последнее время я...

– Спасибо. Я понял. Это слишком сложно, а мы очень хорошо сидим и вспоминаем, как было весело. Но я думал, что я знаю женщин.

Чарльз загрустил. Летний вечер отражался в его очках, и, по-моему, он совсем не хотел возвращаться в свой Марбург, к своей Лильке, а предпочёл бы снова вернуться в то время, когда его все любили.

– Да, я хочу ещё взять немного пива. Тебе нравится это пиво? Это очень хорошее. Действительно, прекрасное пиво. Но в Marburg я совсем не пью, может быть, только в воскресенье одну бутылку. Здесь я пью каждый день, и довольно много. Это смешно.

Трубка Сталина

– ...Мать старая мне говорит – Мань, мол, корова пропала, иди ищи. Ну, вот я ищу, ищу, пришла в кусты. Корова-то наша в кустах, оказывается, телится. Я молодая ещё была тада. Вот, а в кустах телефон на черёмухе висит. Я думаю-то, что за телефон, но трубку взяла послушать. А мне голос-то оттель и говорит, что, мол, Сталина живьём взять, а Ворошилова, значит, Калинина, Молотова, Андреева – всех, всех убить. Я скорей побежала, милиции всё рассказала про это, они приехали на машинах с собаками. Всех арестовали, а мне за это было – сто рублей и медаль дали.

Прабабушка утирает тряпочкой рот, а я спрашиваю, где теперь медали, те медали, которые ей вручали при царе и после революции, которыми её наградили за серебряное распятие, найденное в лесу, и за спасённое правительство, и за саму революцию.

– Немцы отобрали, – объясняет она, и мне становится очень жалко.

Свои были и небыли старуха рассказывала в то время, когда мы оставались с ней дома одни. Я учился в начальной школе. Мама и Бабаня по сто раз говорили мне, что никаких медалей и немцев в помине не было, что нечего слушать всякую чепуху, но мне нравились эти остросюжетные истории, тем более, что я был единственным, кому прабабка их доверяла. Рассказ о телефоне, который висел в кустах, почему-то назывался *трубка Сталина*.

Когда во втором классе учительница спросила, у кого из нас дедушки и бабушки участвовали в войне или в революции, то я забыл про портрет предка-революционера на стене, но зато начал рассказывать, как девятнадцатилетняя прабабушка боролась со старым миром у себя в деревне. «Как переворот объявили, то мы с бабами пошли и Катю—гулящую колыями убили», – вспоминала она.

– Это действительно очень интересно, Серёжа, – быстро перебила меня Галина Ильична, – но, к сожалению, урок у нас скоро заканчивается, и мы не сможем выслушать твою историю до конца. Давай сделаем так, – попроси бабушку рассказать тебе всё ещё раз, запиши эту историю и принеси мне. Я сначала прочитаю, а потом ты сможешь сделать нам доклад.

Вид блокнота и ручки насторожил прабабку.

– Это какой ты записывать хочешь?

Я сказал, что меня попросила об этом учительница, и надолго лишился рассказчика. Мне перестали рассказывать даже вполне безобидные истории о шестипалом Кирее и о серебряном распятии.

Двадцать пять последних лет жизни прабабка провела, сидя дома на кровати. «Я убойная» – ей прилетело поленом по голове во время работы на пилораме. «Наработалась, хватит. Теперь, Анька, ты на меня работай» (своей дочке, Бабане).

Она потихоньку превратилась в призрак, который пугал своим видом моих одноклассников, пугал мёртвой, жёлтой кожей на руках, сморщенным лицом и сиплым, невнятным голосом. Этот призрак населял дом моего детства. В доме ещё был несгораемый шкаф, который никогда не открывался; антресоли с бельгийским ружьём и коробкой патронов; страшный бронзовый бюст с пустыми зрачками и портрет на стене в моей комнате.

Мы с моим школьным товарищем играли в такую игру – надо было встать перед портретом, посмотреть ему в глаза, а потом бежать и прятаться. Мы прятались куда-нибудь под кровать или за шкаф, потом осторожно выглядывали, смотрели на портрет, и оказывалось, что строгий взгляд направлен прямо на нас. Это было тоже немного страшно и непонятно, но от портрета действительно никуда нельзя было деться, можно было только стараться игнорировать его присутствие или убегать из комнаты. Если я вырывал из дневника страницы с двойками, пытался взломать загадочный сейф или крал из карманов в прихожей мелкие монеты, взгляд становился осуждающим и немного презрительным.

Ночью, когда перед сном я лежал в кровати, портрет сливался с обоями, профиль неистового композитора скрывался в тени книжных шкафов, и можно было подолгу смотреть, как ветер гонит по небу облака. На самом деле это был дым из труб находившейся рядом теплоэлектростанции. Поэтому «облака» летели по небу очень низко, быстро и красиво, независимо от того, было ли небо ясным или нет, главное, чтобы ветер дул в нашу сторону. Наверное, неумелое созерцание летящих облаков сделало меня слишком мечтательным.

Потом я явился свидетелем того, как открывали несгораемый шкаф. В комнате рядом с Бабаней сидели несколько человек из музея Революции, а перед ними на столе лежали часы-луковица, какие-то бумаги и два красивых пистолета. Я не удержался и потянул руку к тому, что был поменьше, после этого меня выслали из комнаты. Когда они ушли, забрав пистолеты, часы и бельгийское ружьё, Бабаня дала мне заглянуть внутрь таинственного шкафа. Там остались только упаковки английских лезвий для безопасной бритвы и запасные части к слуховому аппарату. Шкаф утратил свою притягательную силу.

Бронзовый Бетховен перестал меня пугать, когда я обнаружил, что его пустая голова является прекрасным тайником. Сначала я в нём прятал огромный нож, который нашёл на даче, а когда стал постарше, то хранил там бутылки с вином.

В пятнадцать лет я помог отнести совсем больную прабабку в машину «скорой помощи», старуха не хотела уезжать и вцепилась мне в плечо с такой силой, что там остались синяки. Она любила всегда повторять: «Ох-хо-хо, Серёженька, когда ж помру-то?». Но в тот момент, когда я сажал её в машину, она очень сильно боялась смерти. Ей сделали операцию, и она вскоре умерла.

Портрет ещё долго оставался на стене, но я перестал обращать на него внимание. Интерес к семейной и отечественной истории я не испытывал, хотя наш школьный историк делал робкие попытки привить его старшеклассникам.

– Ну что, все прочитали параграф, который я задал? – спрашивал он в конце занятия, выходя из задумчивости. – Всё ясно? Так вот, на самом деле это происходило совсем не так, как там написано.

– А как? – кричали почти все, кроме самых пофигистов.

– По-другому. А как именно, я не буду вам говорить. Я не сумасшедший.

Он, наверное, хотел раздражить нас, заинтересовать. Но это не производило особого впечатления. Когда на твоих глазах переписывается история, когда не все успели сменить устаревшие учебники, когда скоро грядут выпускные экзамены, то бесполезно, да и некогда докапываться до истины. А чуть позже исчезла и сама необходимость докапываться. Бери – не хочу.

В возрасте, наверное, лет четырёх я твёрдо знал от взрослых, что если подобрать с пола упавшую конфету и съесть её, то в животе после этого заводятся червяки, и ребёнок умирает. Микробы не грозили отцу или матери, они были смертельны только для таких маленьких, как я, детей. Я не запомнил точно, кто мне дал такое знание, – может быть, старший брат, – я одинаково верил всем взрослым. Но в одно прекрасное утро я остался на кухне один, и конфета «Взлётная», которую мне вручили после еды, выскользнула из обёртки и упала на пол. Я залез под стол и глядел на неё, как она лежала на зелёном линолеуме, украшенном полосками солнца. В шкафу, в бумажном пакетике, я знал, хранились ещё несколько точно таких же леденцов, их можно было достать, встав на табуретку. Их не хотелось.

Я протянул руку, взял леденец и, даже не попытавшись счистить с него налипших микробов, положил в рот. Никто об этом не узнал – ни отец, ни мать, ни Бабаня, ни брат. Несколько следующих дней я ждал развязки, вслушиваясь в себя, испытывая сладкий ужас приближающейся катастрофы, и мне снились необыкновенно яркие сны. А потом я понял, что выиграл конфетку у смерти и у червяков, которые могут завестись в животе. Недели через две, если бы я умел формулировать свои мысли, то, наверное, сказал бы, что любое знание относительно.

В дальнейшем, я думаю, именно воспоминания об этом случае отрицательно повлияли на мою успеваемость в школе. Я так ленился тратить драгоценное время на обретение относительных знаний, что был двоечником. Читал приключенческие романы вместо учёбы.

Лет в пять или шесть, накануне очередной годовщины Великого Октября, насмотревшись фильмов по телевизору, я выдернул из тетради несколько листочков и красным карандашом написал на них те самые лозунги, которые несли когда-то революционные толпы на своих транспарантах: *Долой царя! Вся власть Советам!* Я хотел, чтобы мы с отцом пошли на улицу и расклеили мои воззвания на столбах, украшая город к празднику.

Отец отказался, и его ответ на моё «Почему?» был довольно тёмен.

Многие темы были слишком трудными для понимания, и мой революционный предок парил слишком высоко.

В общем, вышло так, что я очень мало интересовался человеком, изображённым на портрете. Знания, которые я мог бы получить о нём, были слишком уж относительны, и мне больше нравились истории моей прабабушки, где сюжет всегда был закручен довольно просто, но лихо, добро, в конце концов, торжествовало, и победитель получал сто рублей и медаль. Позже меня стали увлекать приключенческие романы и рассказы отца о драках во времена его буйной молодости, о том, как он кадрил девочек, о его таёжных путешествиях и охотах.

С десяти лет отец стал брать меня в походы по европейскому Северу, в восемнадцать я уже стал ездить один. Вскоре исполнилась моя мечта – я очутился в Сибири. Видел засыпанные древние каналы и городища в долинах Алтая, курганы, от которых уходили на восток вкопанные стоймя камни, по числу камней можно было узнать, сколько врагов пали от руки погребённого здесь витязя. По обочинам древних дорог мне встречались покосившиеся каменные бабы.

Мне казалось, что эти древние дороги должны уводить в Монголию, а может быть, и куда-нибудь в более интересные места. Посещение этих мест пришлось отложить на неопределённый срок в связи с моим новым семейным положением и рождением дочки, это меня огорчало. Единственной возможностью теперь были путешествия не по собственной прихоти, а по служебным обязанностям. Да, что сможет мне сказать Алёнка, если я пройду по этим дорогам как специалист, вынужденный уезжать от семьи не ради романтики, а ради научной или какой-нибудь другой карьеры? Ничего не сможет сказать. Может быть, мне даже придётся внедриться в культуру изучаемого народа, чтобы увидеть её, так сказать, изнутри?

Я сбежал из отцовского технического института и подал документы в университет, чтобы изучать восточные языки.

– На монгольский в этом году у нас нет набора. В следующем, наверное, тоже не будет, – сказали мне в приёмной комиссии. – Хотите на китайский?

Манзы со своими хлопушками и кумирнями в «Дерсу Узале», тигры с иероглифом *Ван* на лбу, хунхузы, драгоценные панты и кабарожья струя, пленённый китайцами Далай-лама в Урге, Тибет. Даосские монастыри, буддийские монастыри, драконы, летящие среди облаков. И главное – нет набора на монгольский язык.

– Давайте на китайский.

Древние мудрецы, даосские монастыри – в конце концов тоже неплохо. Пусть будет китайский язык. Учитель скажет: «Что такое Будда?», а я отвечу: «Три фунта льна».

Откровений о Дао—пути не было, по крайней мере, в первый год учёбы, Дао Дэ Дзин был отодвинут куда-то в далёкое будущее, а пока что шла обычная зубриловка. Радовало одно – что иероглиф, обозначающий воду, обозначал её уже четыре тысячи лет, то же было и с иероглифом *огонь* и с иероглифом *человек*. Знания, которые я получал, были не такими уж относительными, можно было надеяться, что я не зря трачу время.

Норма Шуберт

Норма, как и Чарльз Пул, говорила, что в России очень хорошее пиво. Это немка-то! Ну что же, лишний повод для гордости и лишний повод купить бутылочку. Норма говорила, что у нас хорошее пиво и хороший коньяк. Не знаю, можно ли ей верить, поскольку её мнение было не беспристрастно.

Неплохо было бы спросить её сейчас, она ведь уже несколько лет не появляется и не звонит, – Россия потихоньку выходит из моды и дорожает. А раньше каждый год Норма с небольшими подарками появлялась у нас дома в сопровождении моего брата, наносила визит вежливости, а потом начинала планомерный обход музеев, памятников архитектуры, библиотек. Хотя зря я так, насчёт того, что выходит из моды, – вряд ли это что-то будет значить для Нормы Шуберт.

Когда мы ехали в поезде, я спросил её:

– Норма, а почему вы стали учить русский?

– Когда я училась в школе, к нам пришёл преподаватель истории. На войне он был SS. И он говорил, он всё время кричал: «Русские сволочь, свинья». На восточном фронте пуля ранила его по голове, и он стал нервный. Он всё время так кричал. И тогда я подходила и спрашивала его: «Почему вы говорите, что русские плохие, ведь мы воевали на территории СССР?». Это было ужасно, потому что он так кричал! Я ничего не понимаю и начала читать о России. Так я нашла интерес и очень довольна.

Норма назвала своего сына Ванюша. Не Иван, а Ванюша. Она освоила старославянский, русский, польский, она умела читать глаголицу. Она любила русскую классику и изучала нашу историю. В сорок пять лет она по вечерам посещала университет в своём родном городе для того, чтобы больше знать о России. Она работала чертёжником и, кроме того, имела свой интерес. Я ездил с ней на Алтай.

Мой брат уже эмигрировал к тому времени, и она приходила к нам одна, как всегда с небольшими сувенирами. В тот раз разговор зашёл о моих путешествиях.

– О, я очень хочу посетить Сибирь ещё раз. Я была на Байкал, но это был очень короткий срок. Это возможно, чтобы ты показал мне это место? Этот Алтай. Безусловно, я оплачиваю все затраты, потому что Россия – это мой интерес.

Алтай тоже был моим интересом. Алтай с его Чуйским трактом, уходящим в Монголию, был моим интересом с самого детства, он представлялся мне тем путём, в конце которого может находиться маленькая джеклендоновская Лунная долина, или Лунное плоскогорье, или озеро. Алтай, который всегда был самой дальней провинцией различных империй. Там жили мои друзья.

И главное – она оплачивала поездку. В обозримом будущем я не видел другой возможности на халяву попутешествовать, поэтому ухватился за это предложение. Оставалось только уговорить Алёнку, чтобы она меня отпустила.

Вскоре мы с Нормой вылетели в Барнаул. Конечной целью путешествия должен был быть посёлок Карлу на Золотом озере, а для этого нужно было проехать Бийск, Турачибит, Аирташ.

В общем вагоне поезда Барнаул-Бийск нам не нашлось мест.

– Почему это так? Мне кажется ненормально, когда мы имеем билеты и не имеем мест.

Я положил рюкзаки в проходе и предложил Норме садиться на них. Люди в тамбуре уже начинали звереть из-за давки, за окнами стояла толпа, и слышались матерки.

– У многих людей на улице тоже есть билеты, но они не смогли даже попасть в вагон. Так что нам повезло. Да и ехать недолго – всего ночь.

Норма оказалась непроблемным человеком. С ней легко было путешествовать. Вскоре она уже прикрыла глаза, прислонив голову к плечу сидящего рядом пассажира, и просыпалась

только, когда пожилые женщины проходили в туалет, перешагивая через неё и кряхтя: «Пропусти-ка бабу, доченька».

Я, наоборот, не спал и скучал по жене, потому что любил её сильнее всего во время разлук. Маленькую дочку я ещё не научился любить, – она только начинала разговаривать, и общих интересов пока не было. Это потом, лет с двух, мы станем проводить вместе много времени, болтать, петь хором любимые песни, вместе готовить на кухне или молчать. А пока я скучал только по жене, и моя любовь усиливалась от лёгкого чувства вины. Так уж выходило, что, когда мы вместе, то во всех спорах был прав я, и её трудно было любить. А в дороге, стоило только переглянуться с какой-нибудь молоденькой сибирячкой, и сразу приходило то сладкое чувство вины и возбуждения одновременно, может быть, ещё немного ревности, и я начинал скучать. Да что там сибирячки, достаточно было поглядеть в окно, потолкаться в вокзалах небольших городков, покурить в тамбурах.

В Турачибите тогда ещё работала старая деревянная двухэтажная заежка с вывеской «Гостиница» над входом. Германский паспорт с орлом на обложке произвёл волнение в администраторше, и она выделила нам лучший номер. Как же удобно путешествовать по стране с младенцами и иностранцами! В номер без всяких просьб с нашей стороны был даже подан чай – смоляной чифирь в грязном стакане. Отказ был понят как проявление скромности.

– Кого вам новый-то варить, когда этот есть? Я почти и не пила его, – с утра как запарила, так и не пила почти. Так что берите и не стесняйтесь. С дороги-то – чайку попить и отдохнуть надо.

В этот день Норма впервые увидела деревянный сортир.

– Сергей, где находится туалет, ты знаешь?

– А вот выйдете из... входа, потом налево. Просто задний вход закрыт сейчас, так что вокруг дома пройдёте, там по мосткам таким... блин, в смысле по деревянной дорожке, там и туалет.

– Я не поняла. Можно пройти внутри здания?

– Нет, я говорю, что чёрный вход забит сейчас. Так что выйдете и вокруг дома обходите.

– Он на улице?!

– Ну а где? Конечно, на улице.

– Как интересно! – Она сняла с гвоздика на стене фотоаппарат, надела свою шуршащую куртку и тихонько прикрыла дверь. Неужели в крохотном германском городке её детства не было ни одного сортира на улице?

Норма уронила свой «Никон» в очко. Она нашла длинную жердь, долго ею рыбачила, пока не добыла фотоаппарат, потом отмывала его в луже. Ко мне за помощью она не обращалась и рассказала о происшествии только после того, как всё было закончено, а я пока успел вздремнуть в номере. Я почувствовал уважение к иностранцу, который один на один сражается с неудачами в сибирском путешествии и не поднимает бучу.

Норма Шуберт сумела покорить и моих друзей, у которых мы гостили в Карлу. Даже молдаванская гордость Эрика Костоцкого и великодержавный шовинизм Славки Подсохина пали, эти мужики стали относиться к ней не как к иностранцу, а как к обычному туристу. Любимым словом Нормы было слово *нормално*. «Вам не холодно? Не жарко? Вы не устали?» – «*Нормално*».

У Эрика тогда гостило девять человек – семья хиппи; давний, ещё с Кандалакшского заповедника, товарищ с дочкой; трое студентов-практикантов и кто-то ещё. В первый же вечер состоялись небольшие посиделки, пришёл на огонёк и Славка Подсохин. Подливали всё больше Норме. Она не отказывалась, пила белую, не морщась. Потом извинилась и вышла.

Я подождал на крыльце, и скоро она появилась из темноты, утирая платочком рот.

– Вы это... не смотрите на них. Они мужики здоровые, нам за ними не угнаться. А пить, правда, не обязательно. Неудобно получилось, ёлки... Вы, наверное, плохо себя чувствуете?

– Почему ты так говоришь? Всё абсолютно *нормально*. Мне очень хорошо, и мне нравятся эти люди. – У неё был совершенно трезвый взгляд, она достала сигарету, улыбнулась и перешла на шёпот. – Ты знаешь, у меня только половина желудка. Три года назад мне в Москве стало плохо, я была в больнице, и мне делали операцию. Теперь у меня только половина там. Это удобно, когда надо пить много водки, правда, иногда нужно освобождать место. А раньше – только две рюмки и... – Норма сигаретой нарисовала в воздухе загогулину, – всё, я совсем пьяная. Но, Сергей, это всё-таки секрет, и сейчас я хочу немного делать на них впечатление.

Норма считала, что три года назад ей несказанно повезло. Операция была сделана бесплатно и хорошо. Весь вечер Норма внимательно слушала рассказы об охотничьих подвигах карлинцев, пила и закусывала. И под конец Славка Подсохин перестал хмыкать и кривить губы. Он потрогал свою бороду, перегнулся через стол и прокричал иностранке в ухо:

– Норма, хочешь под парусом по озеру прокатиться? Под парусом – вш-ш-ш, вш-ш по озеру... Я могу тебя маленько прокатить. Покатать, понимаешь? На лодке. Серёгу возьмём, вот Сергея, ребятёшек тоже возьмём и по озеру... Хочешь?

Управляться с парусом Подсохин не умел, но изо всех сил старался. Нам удалось достичь какой-то точки метрах в пятистах от берега, и дальше как-то не пошло. Мы менялись местами, садились по очереди за румпель, разворачивали парус и вправо, и влево. Но, надо сказать, что мощная Славкина фигура всё равно хорошо смотрелась на корме, он показывал Норме окрестности, спрашивал её впечатление и время от времени радостно и громко (чтобы иностранный человек понял его) приговаривал:

– А всё-таки, Норма, не дошли немцы до Сибири, да? Вот скажи, не дошли? Во-о! Видишь.

На швертботе был установлен «Ветерок», и Славке пришлось воспользоваться его помощью, чтобы вырваться из заколдованного круга и доставить нас обратно до берега. Подсохин поднял отвороты высоких сапог, слез в воду и за руку провёл Норму на нос, откуда она чуть-чуть неловко прыгнула на берег.

– Давай, Серёга, затаскиваем. Ты с одного борта, я – с другого. И-и раз...

Судно упиралось днищем в прибрежную гальку, наши ноги разъезжались, и пальцы срывались с мокрого фальшборта. Мы отказались от предложенной Нормой помощи и начали немного нервничать, – любой занервничает, оказавшись не на высоте в глазах иностранки.

Мы погнули шверт. Лицо Подсохина стало в цвет его рыжей бороды, мои ноги уехали под лодку, и, лёжа на спине, я увидел, как судно поползло вверх.

– Ein, zwei... – Норма держалась за ручку на носу швертбота. И мы втроём вытащили его. Славка стоял, свесив длинные жилистые руки, и пялился на женщину.

– Это ничего особенно, – я раньше немного училась джиу-джитсу, – сказала она своим глуховатым голосом, отряхивая ладони. – Даже могу немного кружить.

Я выливал воду из калоши и зазевался. Норма подхватила меня на спину, держа за шею и за ногу, и подняла на воздух. Передо мной завертелись камни, два раза мелькнули обшарпанный борт и калоша, которую я выронил, а потом меня опустили на землю. Норма блеснула глазами, медленно подняла с земли свою куртку, фотоаппарат и, расчехляя его на ходу, побрела к живописному скальничку над озером. А мы понесли парус и мотор к Костоцкому.

– Нет, Эрик, ты понимаешь, это такая женщина! Такая женщина... – чуткий Подсохин уже оправился от неудачного плавания и вытаскивания лодки. Он видел, как я, растопорщившись, болтался на спине пожилой худенькой немки. И он простил себе неудачу. – Очень даже неслабая женщина. Вот если бы она ещё и не курила...

Норма три дня собирала грибы и терялась. Костоцкий ездил искать её на Серке или посылал ребятшек. Собранные подберёзовики, грузди и маслята она никому не давала чистить, уносила своё ведёрко к ручью и сидела там на корточках, с сожалением разглядывая добычу. Самых ядрёных и бравых красавцев Норма откладывала в сторонку и чистила их последними, да и то принималась за это только после того, как её раза два или три торопили.

– Мне очень жалко их разрезать.

Подсохин несколько даже оставил своё самолечение, которым занимался каждую свободную минуту, и озаботился здоровьем Нормы. Он приглашал её в гости и поил разными травяными отварами, зачитывал куски из книги Порфирия Иванова, из брошюры под названием «Лечение лимонами», из каких-то своих тетрадок.

– Бросай, Норма, эту соску свою. У тебя ж, наверное, от дыма уже не лёгкие, а гнильё одно. Зубы опять же портятся. У тебя случается, что изо рта воняет? А между прочим, вот раз ты куришь, то очень хорошо по утрам уриночкой рот полоскать. Причём, самое лучшее – не свежую брать, а выдержанную. Да не смотри ты на этих дураков, они своё же здоровье не берегут, а только ржут, как идиоты. Эрик, тебе не интересно, – выдь.

Норма честно смотрела в холодные, убеждённые Славкины глаза и кивала.

– Да, лучше маленько выдерживать. Утром поссышь, и оставь в баночке на сутки... Хотя и парная урина – тоже неплохо.

Подсохин знал, что полностью здоровых людей не бывает, и поэтому неустанно лечил себя, жену, детей, соседей, туристов. Если человек не хотел признавать себя больным, то приходилось лечить с расчётом на предполагаемые будущие недуги, то есть заниматься профилактикой. Он сломал ребро пожилому Мише Шестакову, *прохрищивая* позвонки. Дочке при первых симптомах простуды наложил на шею мочевой компресс и заставил носить его, пока по телу не пошли устрашающего вида прыщи. «Это не прыщи, это гадость из организма выходит».

Приведя в идеальный порядок свои грядки, отработав на покосе или в саду, он садился к столу и изучал новые брошюры и журналы, посвящённые народным средствам лечения. Это отвлекало его от всего, что происходило вокруг.

Он равнодушно отнёсся к тому, что ребята спихнули старого директора, он не выдвигал на освободившееся место Валерку Синицына и не праздновал победу справедливости. А ведь посёлок бурлил, жил впервые за долгое время не мелкими бытовыми страстями, а настоящей, активной жизнью. Наш Эрик как один из самых азартных перестройщиков постоянно находился в возбуждённом состоянии. Он выступал за дальнейшие – резкие и красивые перемены, но пока ещё не было понятно, что именно нужно менять дальше.

Синицын не пожалел казённого бензина и прокатил нас по заливу, показал водопад. Он поймал на блесну двух здоровых шук, и Норма, вооружившись сачком, помогала ему затаскивать их в лодку. Валерка подарил одну шуку иностранной гостье.

С воды был виден практически весь посёлок, взбирающийся по склону вдоль двух маленьких ручейков. Самые новые дома стояли дальше всего от берега. Создавалось впечатление, что деревня из последних сил уползала от озера, по дороге разваливаясь на куски и теряя отмершие части – контору, пилораму, несколько сараев, какие-то цистерны, бочки, старые катера.

– Видишь, Норма, как будто после авианалёта, да? Сейчас нужно изыскивать средства, выбивать в Москве деньги и строиться, закупать снаряжение, компьютеры, лошадей, лодки с моторами. Ну, ничего, справимся!

– Федеральные деньги? Какая-то программа?

– Это у вас там программы, а у нас всё самим выпрашивать надо. Вот, другое дело, я хотел тебя спросить... У вас, может, легче связаться с «Гринписом» или какими-то такими

организациями, которые могли бы помочь? Как-нибудь там узнать бы, смогут они хотя бы приехать посмотреть и убедиться, что нам нужны средства.

Немка внимательно слушала азартного, красивого, крепкого мужика. Она согласно кивала головой. Потом она пошла к нему в гости, где пробовала блины и копчёную рыбу.

– Сергей, – сказала она вечером и протянула мне свою записную книжку, – я обещала Валере узнать про «Green Pease» и, может, что-то другое. Мне надо его адрес.

И я написал Норме адрес.

Когда мы уплывали из Карлу на катере метеостанции, Норма стёрла пальцем слезу из-под очков. Я случайно увидел, просто у меня зрение хорошее. У людей с серыми глазами, говорят, самое острое зрение. Когда мы с Синицыным как-то целый месяц шлялись по высокогорной тундре, он наблюдал за косулями в бинокль, а я так просто. Не было бинокля, но, вроде как, и не особо нужно было.

И ещё у меня левый глаз ведущий, я даже стреляю с левого плеча. Вот левым глазом я и заметил, как она слёзы вытирает, и, чтобы не смущать, перешёл на другой борт. Женщины, конечно, все сентиментальны, даже немки, оказывается, но всё-таки приятно. Такое чувство, как будто это мой личный Алтай со всеми подсохиными, костощими и синицыными, и я его показал ей. Так, по-дружески.

Лицо Нормы во всё время этого путешествия было немного задумчивым. Увидит что-нибудь – и задумается, поговорит с кем-нибудь – взгляд опустит и затихнет ненадолго. В Аирташе на обратном пути у автобуса подвеска полетела. Водитель говорит: «Вы все стойте здесь пока, а я в заежку вернусь, может, исправлю. Если исправлю – поедем. Нет – нет».

– Я поняла. Это хорошо, что сломалось колесо. Это значит – есть автобус. Он приехал вчера из города. Значит, может быть, мы сегодня поедем на этом автобусе в город. Если бы не приехал, тогда, значит, мы точно сегодня никуда бы не поехали. Это шутка.

Мы довольно быстро добрались из Карлу до Новосибирска, купили билеты на фирменный поезд «Сибиряк», позвонили в Москву. До отхода поезда оставалось часа два.

Мы присели на рюкзаки рядом с окошком билетной кассы, и Норма пересчитала остаток денег. Два раза пересчитала, как всегда. Меня это всю дорогу нервировало, скорее даже раздражало, потому что своих денег в этой поездке у меня не было. И хоть ты десять раз подряд говори себе, что турист платит тебе деньги за свой интерес, а всё равно поганно, когда этот турист – женщина.

Своим бесконечным пересчётом и отметками в блокнотике она как бы напоминала о моей некредитоспособности. Поэтому я у неё ничего не просил, даже пива не просил в жаркий день. И ещё она казалась мне прижимистой.

– Сколько стоит бельё в поезде? – Опять пишет в блокнотик и шевелит губами. – Сколько нам нужно денег платить за метро в Москве?

Откладывает несколько купюр в бумажник, перетягивает оставшуюся пачку резинкой, встаёт и улыбается.

– Четыре тысячи семьсот девяносто рублей. Эти все деньги мы можем теперь купить еды или что угодно. Это фш-ш! – она взмахивает рукой, как будто хочет выбросить пачку.

Я нёс рюкзаки и тяжелевшую сумку с продуктами, а Норма шла впереди по привокзальному рынку и, по-моему, даже немного дурачилась. Она держала пачку денег в руке. И мы покупали арбуз, и дыню, и персики, дорогую колбасу и конфеты, семечки, пирожки, копчёных кур, сыр, деревянные ложки, журналы, печенье, какие-то старые, несъедобные пряники, самые пижонские сигареты – в общем всё, что попадало на глаза. Было очень весело. Эта бешеная, почти бесполезная трата денег как-то завораживала. Всё равно ведь всё попутчикам скормим. И я не выдержал.

– Норма, а может быть, раз так, то купим ещё по бутылочке пива в поезд?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, мы будем покупать вот такой, – её руки нарисовали в воздухе прямоугольник.

– Ящик?

– Да. В России хорошее пиво.

Девушка для бедных

Когда по улице проходил трамвай, то в серванте начинали позванивать хрустальные пыльные рюмки. Днём этого не замечалось, а вот ночью было слышно отчётливо. Рюмки слышно, а самого трамвая не слышно.

Пути как раз огибали дом тёщи, где мы с женой жили тогда. Алёнка не могла ужиться с моей матерью, двум хозяйкам тесно на одной кухне, тут уж ничего не попишешь. А со своей матерью Алёнка составляла одно органическое целое. Ну, может, не совсем целое, она скорее была чем-то отпочковавшимся от родительницы по образу и подобию. Мы жили у тёщи, и по вечерам я слушал дребезжание хрусталя в старом серванте.

Тихие звоночки. И какие страшные! Поневоле делается жутковато, когда ты остаёшься вечером один-одинёшенек в кухне, и сама кухня уже становится призрачной из-за сигаретного дыма под потолком. И в эту твою прокуренную кухню пытаются достучаться. Каждый вечер.

Когда отец умер и лежал в гробу на кладбище, я взял его за широкую твёрдую руку и про себя обещал, что всё у меня будет хорошо. Хотелось его успокоить как-то на похоронах, вот я и обещал. А теперь надо было что-то делать, чтобы всё стало так, как я хотел тогда, и я каждый вечер думал об этом.

Два раза я брал скотч и выходил к метро, где стояли коммерческие киоски. На третий по счёту от дома я клеил маленькую записку с угрозами. Приклеивал к висячему замку. В этом киоске мне однажды продали поддельную «Алазанскую долину». В общем-то, я сам виноват, — зачем покупать вино, закрытое пивной крышкой. В записке я предлагал хозяевам дать мне немного денег в обмен на то, что я не буду пытаться сжечь их ларёк. Я не совсем чётко представлял себе процесс передачи денег, — я часто воображал себе крепкого уверенного человека, ждущего меня в условленном месте и держащего руки в карманах, брать деньги у него опасно. Я и так знал, что меня поймают. Тоскливо знал, и поэтому выходить в холодную ночь со скотчем в кармане совсем не хотелось. Меня могли увидеть ещё в момент наклейки бумажки на замок. А куртка была только одна, по ней могли потом узнать.

Но необходимо было что-то делать, и другого выхода я не ощущал из своей кухни. В кухне я делал домашние задания по китайскому языку. Каждый вечер. Я оставлял их на вечер, чтобы дожидаться, когда уснёт тёща, и ещё чтобы иметь возможность не ложиться с женой в постель одновременно. Я не любил ложиться с Алёной вместе, — нужно раздеваться, стаскивать пожелтевшие джинсы, нести их к стулу, класть на стул и шагать в трусах обратно к кровати. А ноги у меня худые. Восьмой этаж, и за окном нет фонарей, но небо всегда светлое. Может, и не видно, но я слишком не любил себя. Нужно только сто тысяч и всё было бы по-другому.

Я прекрасно помню вид с балкона той квартиры. Осенью или весной, когда воздух холодный и лучше ощущается простор. Я, кажется, помню все ночные огни, все дорожки на речной воде. Вообще, хорошее всегда крепче держится в памяти, чем плохое, и я рад такому свойству памяти. Это помогает быть благодарным.

Эти колеблющиеся огоньки были тем хорошим, что я лучше всего запомнил. Я часто стоял на балконе и глядел через крыши с вибриссами антенн, через реку, на самые дальние огоньки. Самые хорошие дальние огни бывают, когда идёшь ночью по железной дороге, и когда ты проголодался и хочется пить, и после долгого ожидания видишь синие огни на путях, обозначающие станцию и белые огни уже станционных фонарей. И воздух, конечно, обязательно должен быть холодным, — в нём эти одинокие фонари светят сильнее.

А ещё я однажды утром стоял на этом балконе и слушал стрельбу.

Я люблю оружие. Мне нравится винтовка, так же, как нравится скрипка, яхта, и прочие предметы, имеющие форму, доведённую до предельного совершенства. Уметь держать в руках хорошую винтовку — это много для мужчины. Просто держать в руках, так естественно, как

женщины держат детей. И винтовка обязательно должна быть своя, личная. Имея винтовку, мужчина не пойдёт со скотчем в кармане вешать записки на замок коммерческого киоска. Я говорю не о вооружённом грабеже, а о той ответственности за свои действия и о чувстве достоинства, которые появляются у мужчины, если он держит в руках винтовку. На уроках военной подготовки в школе нам давали подержать только автоматы, да и то с просверленным стволом – оскопленное оружие.

В то яркое солнечное утро я понял, что не люблю, когда солдаты стреляют из казённых автоматов в моём городе. Мне было противно слушать, как размеренно и неторопливо работает крупнокалиберный пулемёт.

А ночью перед стрельбой моя Алёнка хотела идти бросаться под танки. Она смотрела телевизор и рвалась на улицы, быть у костров, среди людей, среди событий. Тёща была на даче. Дочка спала, спал младший сын тёщи, и я не хотел отпускать жену одну. Я спросил, на кого мы оставим детей. Но она не слушала меня, потому что у меня не было гражданского долга, и часа в два ночи мы пошли по улице к реке, потом перешли реку и увидели первые костры. А дети спали дома.

Наверное, я был слишком зол на жену и на себя за то, что не смог удержать её. И поэтому я относился к тому, что я видел, слишком предвзято. Мне казалось, что у костров слишком много пьяных и весёлых людей. Я слышал отрывки разговоров:

– А помнишь, как славно в девяносто первом так же посидели. Что Василич-то не пришёл сегодня? Ты ему звонил? А-а. Понял. Ну, тогда за это нужно выпить.

И я раздражался, когда видел человека, держащего обломок необструганной доски в руке, – человек тоже искал событий и искал людей, чтобы применить своё оружие.

Мы увидели бронетранспортёр, стоящий на улице, и повернули обратно, потому что Алёнка начала мёрзнуть. И пошли не по центральной забитой народом улице, а пустыми переулками. Нам очень обрадовались самодеятельные патрули и проверили документы. Оставили петь с ними под гитару. И больше им уже некого было задерживать, пока уже к рассвету не вышли из подъезда бомжеватые бабка с дедом в поисках чего опохмелиться. Я тоже тогда замёрз. Революции нужно устраивать летом.

К чему я вспомнил всё это – не знаю, просто в то время мне очень не хватало денег. А скотч в кармане и стрельба в городе только случайно всплыли в памяти, наверное, только потому, что остался одинаково неприятный осадок в душе и от того, и от другого.

Когда в серванте начинали позванивать рюмки, я включал телевизор. Громкость регулировалась плохо, можно было или включить на полную мощность, или совсем вырубить звук. Я вырубал звук, чтобы никого не будить, и смотрел ночные передачи.

Потихоньку страх уходил, а часов с двух и трамваи переставали ездить. Когда на экране беззвучно танцуют красивые девушки, то страх уходит, – появляется злость. Девушка из музыкального клипа, гораздо более привлекательная, чем моя жена, смотрит на меня и шевелит губами. Она смотрит мне в глаза, она видит меня. На неё не надо работать, она уже одета так, как мне нравится, она красиво двигается. Она, я знаю, говорит те слова, которые я хочу слышать. Девушка для бедных.

С утра я сажал дочку на плечи, сам садился на велосипед и мы ехали в садик. Девочка крепко держалась за мою голову. Потом Алёна увидела нашу стремительную езду среди несущихся автомобилей, и мы стали ходить пешком.

После садика я шёл в университет, расположенный в самом центре города. Все потоки машин, все ларьки, магазины, жилые дома, конторы, улицы стекались сюда. Вращались, закрученные Садовым кольцом, вокруг меня, сидящего в аудитории с толстыми кирпичными стенами. Даже маленькую форточку приходилось закрывать, чтобы слышать преподавателя.

Почему-то так получалось, что я всё равно не слышал. Попадались на глаза какие-нибудь пятнышки солнца на стене, потёки краски и прочая чепуха, не имеющая никакого отношения к учебному процессу. Эти мелкие детали как будто обладали магической силой утягивать моё сознание бог знает куда. Чаще всего в места прошлых путешествий.

В печальные Волчьи тундры Кольского полуострова. На озеро Джулуколь в горах Алтая. На камчатскую речку Ралвининваям, где я когда-то поднял несметное количество диких гусей. В залив Корфа на Тихоокеанском побережье, где из нашего лагеря была видна длинная семидесятикилометровая горная коса, уходящая в море. Молодой парень, чьи сети стояли в устье реки, сказал, что каждую осень он уходит в эту безлюдную местность на месяц-другой охотиться. В шутку, наверное, позвал и меня с собой.

Каждый вечер солнце, перед тем как сесть, окрашивало эти дальние горы в самые немыслимые цвета, превращая их в мечту. Морж высовывал свою голову из розовой воды и смотрел на нас и на лагерь, пока появлявшийся вдалеке кривой плавник касатки не заставлял его скрываться. Я тогда любовался горами и думал, что следующей осенью пойду туда вместе с пригласившим меня парнем. Я не знал, насколько сильно город захватывает человека, как прочно вяжутся швартовы, крепящие тебя к причальным кнехтам пяти высоток.

Я смотрел на потёки солнца в аудитории и всё бежал и бежал, задыхаясь, по бескрайней долине Ралвининваям в том месте, где она втекает в большую реку Куйвиваям, и в воздух поднимались новые и новые птицы. Гусиные крылья и крики сплетались в сплошную сверкающую завесу и скрывали из виду море.

Иногда я пробуждался и встречался взглядом с китайкой Пэй А, которая вела курс разговорного языка и каллиграфии. Её чёрные, мутноватые глаза часто бывали такими же неподвижными и пустыми, как, наверное, и мои.

Она была в институте носителем языка, по-русски не понимала ни слова. У нас было две преподавательницы – одна обычная, русская, а другая носитель языка, Пэй А. Я иногда думал, что тоже являюсь носителем языка, но мне за это трудно содрать с кого-нибудь деньги. Пэй А очень немного, но получала, потому что имела диплом Пекинского университета. Они с мужем приехали в Москву и устроились работать в наш институт года два назад. Работа непыльная – разговаривай со студентами на языке, носителем которого являешься. На кафедре все тебя понимают, все китаисты, вроде как, не чувствуешь дефицита общения.

Она казалась замкнутой и необщительной, наверное, такой и была. Отношения у нас с ней не сложились, чаще всего она выводила в моих тетрадях две или три параллельные горизонтальные черты – китайские двойку и тройку. Получив тетрадь, я снова отправлялся в свои воспоминания.

Потом она исчезла, и прошёл слух, что она отравилась бракованными консервами. Только через много лет, встретившись с нашей русской преподавательницей, я узнал, что было всё по-другому. В один вечер Пэй А приняла смертельную дозу снотворного и стала ждать мужа. К его возвращению она успела испугаться и передумать. Они не стали вызывать врача, побоялись. Лечились сами. Три зимних дня она проболела, а потом умерла.

Зачем было ехать в чужую страну и тут травиться? Может, у них с мужем что не сложилось? Всё равно не понять – я ничего о ней не знал. Меня вообще мало тронула эта история, разве что на секунду я представил – почему-то очень ярко представил, – как страшно умирать в зимней Москве, если этот город тебе абсолютно чужой.

После смерти отца я стал искать работу.

Иногда мне везло. Итальянцы с Сицилии платили много и ежедневно, пока ремонтировали старинный особняк для магазина «Rifle». Они кормили жареными курами и всё время пели песни.

Коротконогий, широкоплечий Сильвестро, любил стоять в перепачканном рабочем комбинезоне на углу Кузнецкого Моста и смотреть на проходящих людей. Он иногда бросал на мостовую пустую пачку «Ротманса», к которой кидались пацаны, и, сунув руки в карманы, чуть ссутулившись, напевал *Yo Italiano vero!* Он выглядел круто.

К сожалению, итальянцы скоро закончили облицовывать французским мрамором фасад здания и уехали. Тогда я устроился на стройку в монастырь на полставки. Платили гораздо меньше, но прелесть этой работы заключалась в том, что приходить можно было не каждый вечер. Там я проработал совсем недолго. Но в этом уже виноват был я сам.

Дело в том, что мне нравилась физическая работа, – таскать итальянцам мешки с цементом было для меня удовольствием. После долгого сидения в институте размяться было в радость. В один из первых дней прораб отвёл меня к куче мусора в помещении нового корпуса: «Перебрасаешь в окошко и уйдёшь. Работай, парень». Вместо положенных четырёх часов я управился за два и был доволен.

Через несколько дней ко мне подошёл пожилой рабочий и спросил, не я ли выкидывал мусор.

– Будешь, молодой человек, теперь с нами работать, со старшими товарищами, раскудрит твою мать.

Человек пять сидели у машины с кирпичом. Они глядели на меня грустными глазами. После моего трудового «подвига» прораб напихал им полные карманы известно чего и сказал, что они разгильдяи и должны равняться на меня. Они были добрые, немолодые люди и учили меня без особой злобы. Мы курили минут двадцать, потом вставали и десять минут передавали кирпичи по цепочке, встав почти вплотную друг к другу. Я уставал от такого труда гораздо сильнее. И я уволился. Пошёл в торговлю.

Торговать жвачками у меня не получилось. Обещанные двадцать тысяч в день я не увидел ни разу, а учебных дней пропустил довольно много. Трудно сказать, с чем связана была моя неудача – то ли с тем, что я доверял своему работодателю, то ли с тем, что в Москве слишком много детей и немых. Парень, который поставил меня на точку в фойе станции метро «Кузнецкий Мост», каждое утро подвозил новый товар и вручал мне коробки, повторяя одну и ту же фразу: «Здесь ровно столько-то, можно не пересчитывать». Я расписывался в журнале, расставлял коробки на большом столе и начинал торговать. А вечером, дома, высыпав всё на пол, мы с Алёной пересчитывали оставшееся и подводили итог, и моя дочка тоже сидела среди этого богатства. Она просто купалась в жвачках.

Дети и немые каждый день крали у меня. Пока я отнимал у одних, крали другие. Немые собирали вкладыши и наклейки с футболистами, дети собирали всё подряд. В конце второй недели, в час пик, когда толпа валом валила, какой-то обкуренный идиот украл со стола дешёвенький «Love is...» и, не разворачивая, засунул себе в рот. Я обогнул стол, взял его левой рукой за отвороты куртки и полез пальцем за щёку. Я очень устал и хотел только вернуть жвачку.

Я почти уже достал украденное, парень стоял тихо и улыбался, потом он стал щупать меня за задницу. Тогда я толкнул его, и он, пролетев сквозь толпу, упал на уборщицу и выбил у неё из руки ведро с водой. Я поднял его и сказал: «Отдай жвачку». У него были совсем бессмысленные глаза, и я толкнул его уже изо всей силы в обратную сторону. Он опрокинул мой стол и лежал в куче разноцветных фантиков, пока его не забрал мент. А я ползал у людей между ног в ноябрьской жидкой грязи и собирал свой товар. Это был самый неудачный день.

Вскоре после этого подруга моей матери нашла для меня мистера Суна.

Сун Ганду

Сун Ганду приехал в Россию совсем недавно. Он был представителем крупной государственной экспортно-импортной компании и должен был наладить в Москве контакты и организовать при возможности совместное предприятие. К тому времени, как я устроился к нему работать *помощником*, он успел только снять для себя квартиру.

Мы договорились встретиться с ним в метро, я немного волновался. Английский в школе я, конечно, изучал, но наниматься переводчиком казалось мне наглостью. Материна подруга, которая и нашла для меня Суна, посоветовала сначала ввязаться в сражение, а потом уже действовать по обстоятельствам. В худшем, говорит, случае он тебя просто не возьмёт. Мне меньше всего хотелось с кем-то сражаться и вообще действовать, но к китайцу я, конечно, поехал. Договорился с ним о встрече по телефону сначала, а потом поехал.

У первого вагона на станции «Орехово» сидел на скамеечке только один китаец, других не было. Значит, он и есть Сун Ганду. Лицо у него, как мне показалось, ни в коем случае не предвещало того, что меня возьмут на работу. Брови сдвинуты, выражение лица решительное, но немного детское. Как будто ребёнок дует на взрослых. Это ещё, наверное, оттого такое впечатление создавалось, что голова большая, черты лица довольно тонкие, да и ростом-то – как все китайцы.

– Здравствуйте, я – Сергей.

– Сун Ганду. Мы можем обсудить всё у меня дома. Пойдём.

На улице достали сигареты. Он предложил мне свою зажигалку, я закурил и выбросил зажигалку в снег. Тут же дёрнулся следом и откопал её, потом вытирал.

– Извините, я привык пользоваться спичками.

– Ничего страшного, я понимаю.

Начало получилось самое идиотское.

Дома мы уселись в кресла и «обсудили» условия работы. Он говорил, а я постоянно кивал в знак того, что мне всё ясно. Мне обещали десять тысяч в месяц и неполный рабочий день. Я должен был помогать ему в организации бизнеса, в переговорах и общении с будущими партнёрами.

Приступить к работе следовало с завтрашнего дня, сразу после окончания моих занятий в университете. Я с удивлением отметил, что понимаю его английский, и вышел от китайца с тем чувством, которое бывает, когда зубной врач скажет, что всё закончилось.

А на следующий день, когда я зашёл в его квартиру, там оказалось уже целых три китайца – мистер Сун и ещё двое. Они сидели за столом в кухне, улыбались мне, и перед ними стояла бутылка водки. На этикетке была нарисована кривляющаяся обезьяна, и, по словам Суна, эта водка была одна из лучших.

– Это – мистер Ван И, это – мистер Пань Пэн – мои друзья. Они тоже приехали работать в Россию, представляя свои компании.

Мистер Ван засмеялся, похлопал себя ладонью по груди и сказал:

– Ван И – лускэй Иван. Я – Иван.

Я сел на указанное место и передо мной поставили пустую тарелку. Я наблюдал за Суном и делал как он – наложил себе риса (совершенно не солёного и чуть слипшегося), жареной картошки (ни за что бы не догадался, что это картошка), кусок курицы, салат, потом сверху на рис подлил соуса и взял палочки. Пань Пэн улыбался и показывал мне, как ими нужно управляться.

Иван налил всем по пятьдесят грамм, тоже, конечно, улыбаясь. У него, пожалуй, улыбаться получалось лучше всех, его глаза совсем скрывались в складках кожи, оставался только искренний оскал на широком, лоснящемся лице. Пань Пэн был самым невыразительным и мол-

чаливым, почти незаметным, а у Суна улыбка казалась немного грустной из-за слишком заумного и сосредоточенного выражения на физиономии. Не знаю уж, как выходило лыбиться у меня, но я старался.

Китайцы сказали *Ган и бэй!*, я по-русски сказал *Будьте здоровы!* и выпил свою стопочку. Взяли бы лучше «Пшеничной» в гастрономе, чем рисовую гостям предлагать. А то эта обезьянья идёт как *чёрт с крестом* по выражению прабабки.

Я сделал ошибку. Даже несколько испугал сидящих со мной за столом, выпив залпом. Если так пить, объяснил мне Сун, то может испортиться здоровье. Он уже не улыбался, из них вообще никто уже не улыбался, это только у меня осталась виноватая улыбка. От меня убрали бутылку, немного поглядели ещё с сожалением, а потом взялись за еду.

Я смотрел на них, и постепенно становилось понятно, как нужно пить. Нужно отхлёбывать рисовую водку по миллиметру, заедать пищей, сделанной, по-видимому, из перца фаршированного перцем и щедро поперченного. Нужно, чтобы по лбу тёк жгучий пот и заливал слезящиеся глаза, нужно, чтобы твой рот онемел, чтобы уже невозможно было понять, где твой язык, где губы, где зубы. Нужно при этом очень громко разговаривать (потому что китайский язык не приспособлен для тихой беседы), хохотать, держа палочками на весу кусочек курицы или жареную картошку, с которой капает на скатерть соус.

Тогда бутылки хватит на целый вечер на четверых, тогда не придётся бегать к метро за добавкой. Но я не мог заставить себя пить по-китайски. Я честно попробовал и не смог. Я просто отказался, заверив их, что напиток прекрасный и мне очень понравился.

Так прошёл первый рабочий день. Вернувшись домой, я выпил таблетку «Фестала» и отказался от ужина.

Сун снимал трёхкомнатную квартиру на станции метро «Орехово». Эта квартира планировалась одновременно и под жильё и под офис, но пока не было деловой активности, в квартире временно жили Иван и Пань Пэн. Они, как я понял, даже были мало знакомы Суну, просто тут речь шла о взаимовыручке. Пока не найдут себе жильё – квартируют здесь.

Искал им квартиру почему-то я. Искал по знакомым и к тому же дешёвую. Меня поначалу несколько беспокоила незагруженность работой, – не потому, что я люблю трудиться за маленькие деньги, а просто настроился на премиальные, на повышение зарплаты, да и проявить себя как-то хотелось. А китайцы спокойно ждали, – Сун ждал партнёров, Иван и Пань Пэн ждали, пока Суну осточертеет их кормить и привечать.

В один из дней, уже поближе к Новому году, последнюю пару в институте отменили, и я приехал к Суну пораньше. На мои звонки дверь никто не открывал. Вообще-то мой начальник иногда уезжал куда-то с утра, возвращаясь к моему приходу. Правда, мне показалось, что в квартире шумит вода. Может, он в душе? Я уселся на лестнице, подстелив под себя тетрадку, и открыл учебник.

Через полчаса поднялась толстая соседка с шестого этажа, из квартиры под нами, посмотрела на меня и начала трезвонить в суновскую дверь. Я встал.

– Нету, что ль, никого? Что они делают-то? – Она снова вдавила кнопку большим пальцем, потом стала стучать кулаком. – Ты сюда ждёшь?

– Ага.

– Все антресоли уже протекли, потолки все, – всё... Я не знаю, чего они делают-то там. Нету их, что ли?

– Я когда пришёл...

– Не живёшь здесь?

– Нет, я у них работаю.

– Так а что же они делают, – уже ж всё течёт у нас. Всё – все антресоли уже, вещи... Только ремонт сделали. – Она начала бить ногой в дверь. – Когда ж придут-то?

Через пятнадцать минут подтянулись и с пятого. С шестого то убегали черпать воду, то прибегали стучать в пустую квартиру. Наконец, меня послали в ЖЭК, чтобы отключили воду. Объяснили, как до него идти.

Дежурная отправила меня к мастерам. Мастера сидели в шапках в прокуренной комнате и играли в домино.

– Так это надо весь стояк отключать. В каком, говоришь? В пятом? Витя, кто у нас в пятом? В пятом. В пятом... в пятом. Рыба. В пятом надо весь стояк отключать.

– Там уже, знаете, на два этажа пролилось. Меня соседи послали.

– Ну а когда они придут? Когда прийти-то из этой квартиры должны, знаешь? К половине? Ну вот придут и закроют воду. Мы сегодня профилактику делали и отключали с утра – и горячую, и холодную. Вот они открыли, наверное, и ушли, а вода пошла. Вода пошла и залила. Так что придут – закроют. До половины всего полчаса. А то, я говорю, это ж весь стояк отключать.

В подъезде пахло мокрыми тряпками. Я поднялся на шестой и стал ждать и отвечать на вопросы соседей.

Через пятнадцать минут из лифта вышел Сун Ганду. Когда он открыл дверь, вода перелилась через порожек и растеклась по площадке. Я уже заранее разулся и засучил штаны, поэтому, пока Сун ужасался увиденному, я выключил воду, которая била из душа в противоположную стену, и начал вычерпывать.

Я даже почувствовал какое-то превосходство над растерявшимся китайцем. Я был главным. Велел ему сворачивать ковры; сурово отослал соседей с шестого и пятого – сказал, что уберёмся сначала, потом ругаться будем. Сун, посмотрев на меня, тоже разулся.

Потом мы пошли разбираться с соседями. Сун, придерживая меня за руку, попросил соглашаться на всё. Мол, весь убыток, будущий ремонт – всё будет оплачено в американских долларах. Он действительно боялся, потому что по всему подъезду стоял шум недовольных голосов.

– Это он хозяин, да? Так. Что ж ты делаешь? А? Что ж воду-то не закрываешь? Всё ведь протекло – все антресоли, всё, всё. Что вот нам теперь, ведь только ремонт сделали. Что молчишь, не понимаешь, что ли?

– Он китаец, он не понимает по-русски. Он просит перевести, что весь ремонт будет оплачен в американских долларах.

Сун стоял немного сзади меня, смотрел на тётку и кивал, подтверждая мои слова. Тётка была выше его, у неё были толстые руки и красное лицо. За её спиной молча возвышался мужик с выцветшими глазами и двигал челюстью.

– Как не понимает? Ты скажи ему, что краны-то надо выключать. Э, слышь, – она отодвинула меня в сторону и заорала как глухому, – слышь, нерусь, краны-то надо выключать. Понимаешь, выключать. Вот так вот – раз, раз, и выключил.

Сун бормотал насчёт долларов и смотрел, как женщина энергично вращает перед его животом скрюченными пальцами. Она пыталась показать, как следует закрывать воду.

– Он спрашивает, сколько вам должен. Вы скажите, и он немедленно заплатит вам в долларах.

– Доллары, доллары. Нет, он, правда, что ли, китаец?

– А что, не видно, что ли? – Наступило время немного повысить голос. – Конечно, китаец. Так сколько?

– Да пошёл ты со своими долларами, у нас вон и так ведь всё вымокло. Ты лучше ему скажи, что, мол, краны нужно выключать. Выключать.

И дверь захлопнулась. Сун ничего не понял, но покорно поднялся к себе в квартиру. Я сказал, что всё закончилось нормально. Платить, наверное, не придётся. И мы стали убирать следы потопа дальше.

Виноваты были его постояльцы, а именно Пань Пэн. Сун с Иваном в тот день ушли с утра, а когда Пань Пэн проснулся, воду уже отключили. Пань Пэн открыл все краны, и «забыл в какую сторону заворачивать». Забавно было наблюдать, как Сун сурово сдвинув брови, вращал перед ним руками точно так же, как соседка с шестого. И вообще он им сказал, что пора, мол, и честь знать. Через три дня они должны выселиться.

Я всё-таки отыскал квартиру для них. Получил даже десять баксов от Ивана в качестве благодарности. Деньги отдал жене.

Брат тёщи Георгий Семёныч, заехавший в гости, смотрел на меня с весёлым недоумением.

– Кто ж так делает, чудило? Сказал бы мне сразу, я бы на следующий день с разводным ключом к нему припёрся, мол, давай пять сотен баксов за урон. Я сосед твой с пятого этажа, – все потолки в квартире протекли. Стрясли бы бабки с него. Тебе же семью кормить надо. Робкий ты.

А мы с Суном ещё неделю ждали, вдруг явится тётка снизу требовать деньги. Но всё как-то улеглось, а потом и вовсе забылось.

В доме моего детства, в одном подъезде с нами, по-моему, на одиннадцатом этаже, жила странная и очень старая – лет девяносто – бабулька. С ней иногда приходилось вместе ехать в лифте. И вот, каждый раз, когда я оказывался с ней в этом маленьком пространстве, она начинала меня хвалить. Не знаю, как она вела себя с другими, но мне она всегда успевала отвалить дрожащим голосом такую кучу приторных слов, что потом ещё долго передёргивало. Я был замечательным молодым человеком, лапочкой, умницей, красавцем и ещё бог знает кем. «Я рада, что у нас есть такие юноши». Эту самую старуху с одиннадцатого этажа я вспомнил, когда познакомился с мистером Сюем.

По воскресеньям я обычно тоже работал. Мистер Сун считал, что мой вольный график работы в будние дни обязывает меня помогать ему по выходным. И вот в одно воскресное утро на кухне суновской квартиры я был представлен ещё одному китайскому мистеру. Фамилия его была – Сюй. Правда, он оказался скорее мсье, а не мистером.

Я называл всех китайцев мистерами потому что говорил по-английски, потому что они все были старше меня и ещё потому что не знал как их называть по-другому. Китайцы отвечали мне тем же, и называли меня мистером Сергеем, вернее, – Сье Эргаем. Логичнее было бы ставить *мистера* перед моей фамилией, но для китайца отпущено два или максимум три иероглифа на имя и фамилию. Поэтому получалось, что *Сье* играло роль фамилии, а *Эргай* – имени.

Я не помню, как звали мистера Сюя, но я помню, первое впечатление от знакомства с ним. Он осыпал меня комплиментами и напомнил этим ту старушку. Когда я разулся в прихожей и вошёл в кухню, с табуретки вскочил маленький седой дяденька, пожал мне руку и, улыбаясь, заговорил со мной по-китайски. Мой начальник стоял рядом и переводил. Он сказал, что передо мной стоит мистер Сюй, который приехал только что из Парижа, чтобы своими глазами увидеть перемены, произошедшие в России.

Мистер Сюй – это старый диссидент, которого коммунисты вышвырнули в своё время из страны и который нашёл себе прибежище во Франции. Мистер Сюй теперь пишет книгу о своей борьбе с бесчеловечным режимом, о своей судьбе и судьбе тех, с кем ему пришлось вместе работать и вместе страдать. Он с интересом наблюдает за переменами в Китае, но его пока ещё туда не пускают. А в Россию пускают, и он хочет видеть, что приносит стране отказ от коммунизма. Видимо, я был первым, что увидел мистер Сюй в Москве, и он сразу же сообщил о том, что молодое поколение в России замечательное. Что я – это самый отважный, честный, умный и красивый молодой человек. Дальше шло что-то совсем невразумительное, с использованием чисто китайских метафор. Всё сводилось к тому, что с такой золотой молодёжью гнилое наследие коммунизма будет успешно побеждено по всему миру. Такая молодёжь им нужна.

Судя по тому, как Сун весело на меня поглядывал, стоя за спиной парижанина и осуществляя синхронный перевод, он получал от этой ситуации большое удовольствие. Под конец, когда ум, сияющий в моих глазах, сравнили с умом дракона, он, по-моему, просто развеселился.

Я, напротив, загрустил, но диссидент Сюй неожиданно остановился и уселся обратно на свою табуретку. То ли он понял, что я не могу ему ответить тем же, то ли выполнил какой-то свой обряд приветствия и успокоился, – я не знаю. Он оказался нормальным, весёлым стариком, ну может быть, чересчур активным и восторженным, а так – нормальный старик.

Он постоянно хватался за свой блокнотик и записывал впечатления. Я, наверное, был не самым интересным собеседником для старика, потому что не любил дискуссий на политические и социальные темы.

– Как ты относишься к коммунистам? Коммунизм – это хорошо или плохо?

– Я, мистер Сюй, считаю, что людей невозможно изменить или сделать счастливыми. Вот, например, подруга моей матери любит болеть. Она придумывает себе болезни, а потом страшно переживает по этому поводу. Она будет одинаково несчастна при любом строе.

– А вот лично ты, ты хочешь жить в какой стране – свободной или нет?

– Понимаете, я не могу думать об отвлечённых проблемах, проживая в одной квартире с матерью моей жены. Эта проблема для меня сейчас важнее, чем переустройство державы.

– Я понял, это такая шутка! Это юмор! Ах-ха-ха. Это смешно. А всё-таки?

Сун был, по-моему, несколько даже рад, что спихнул на меня такого неужённого собеседника. По всей видимости, ему уже пришлось с утра отвечать на все эти вопросы. Он тихо подливал нам чай, старательно переводил и посмеивался. Сюй решил остановиться у него на целых две недели, и, наверное, мой начальник предвидел нелёгкие для себя дни. Он не так уж давно спровадил с моей помощью Ивана с Пань Пэном, а тут на его голову свалился этот старик.

Я сказал, что, как бы там ни было, моя страна уже сделала свой выбор, и пошёл «необратимый процесс». Гораздо интереснее в данной ситуации услышать мнение мистера Суна как представителя нации, начавшей перемены, но не отказавшейся от коммунизма. Мистер Сюй посмотрел на мистера Суна. Но, как оказалось, в Китае тоже умеют играть в переводного дурачка, потому что Сун, как будто неожиданно вспомнив, сказал:

– Кстати, дед мистера Сье Эргая был одним из основателей Общества советско-китайской дружбы. Я не говорил вам об этом? Его дед встречался с председателем Мао.

Продал, змей. Для диссидента Сюя это должно быть просто потрясающей удачей – взгляды на перестройку внука самого что ни на есть коммунистического дедушки. Это войдёт в книгу.

Меня спасла женщина. Меня спасло то, что в дверь позвонила удивительная женщина, которую звали Монгэ Цэцэк.

Монгэ Цэцэк по-монгольски значит – серебряный цветок.

Уральский сказочник заставил Данилу мастера вытёсывать цветок каменный, среднеазиатское воображение сотворило жёлтый цветок – Гюльсары, или, может быть, в этом случае просто сыграло свою роль красивое звучание слова, ставшего женским именем. На Алтае и в Туве ограничились просто именем Чечек – цветок. Вообще-то сравнение женщины с цветком или цветка с женщиной довольно банально, сколько их было – всяких Розалий, Флоринд, Маргарит. Но моё воображение было натренировано бесконечными полётами на облаках пара из труб электростанции. И оно было потрясено картиной серебряного цветка. Цветка, покрытого инеем, схваченного утренним заморозком, когда из самого сердца пустыни Гоби начинают дуть осенние ветры. Это – сказочный белый цветок, лепестки которого застыли в своей хрупкости.

Всё-таки парижская жизнь кого угодно сделает джентльменом, даже китайца. Сюй забыл о своём блокноте до лучших времён и вёл себя *comme il faut*. По крайней мере, слез со своего любимого конька, отложил беседу со мной на потом и обратил всё своё внимание на гостью.

Да, что ни говори, было, на что обратить внимание. Серебряные лепестки, благородное чернение.

Я никогда до этого не встречал монголов. Монголов – да, видел. У отца был один аспирант из Монголии, он сажал меня на колени, я оказывался в крепком и уютном незнакомом запахе аспиранта и слушал, как он мне что-то поёт. Я слабо его помню, но никакого сравнения с серебром он не выдерживал, можно скорее придумать что-то золотое на конской упряжи, потёртое в далёких походах, покрытое навсегда конским потом, пахнущее бараньим салом, залоснившееся и гладкое. Но серебро, серебро – это совсем-совсем другое.

Серебряный цветок, повторяю, это бодрящий осенний ветер на выжженных холмах, чистый от утреннего холода горизонт, лёд на каменистом дне ручьёв, лепестки, дрожащие от мягкого топота табуна коней. Никаких лунноликих красавиц, златокудрых дев, смуглых дикарок. Никаких зелёных, жёлтых, голубых, карих, серых глаз. Никакой чепухи – только чёрное чернение и серебряные, схваченные морозом лепестки.

Это невозможно ни с чем спутать. Широкие пояса и тяжёлые подвески с нашитыми дореволюционными рублями звенят по-особенному, – звук мягкий и лёгкий. Монеты шевелятся при каждом движении, трутся и ударяются друг о друга. Сидя у очага, отвернув лицо от пламени, она бросает на тебя незаметный, мгновенный взгляд, но монеты выдают. Серебряный взгляд, серебряный вздох. Монгэ – это ещё и деньги, монеты.

Монгэ Цэцэк – это когда совершенно невозможно стоять на этой кухне в старой шерстяной безрукавке и пожелтевших джинсах, когда с ужасом вспоминаешь, что давно не мыл голову, что даже те несчастные десять баксов, которые ты получил от Ивана месяц назад, ты отдал жене. Зачем?

Старик уже заканчивает длинную улыбчивую фразу по-китайски и указывает на Суна – «Сун Ганду», – уже Сун кивнул головой, и сейчас они будут объяснять ей присутствие в этой квартире длинного, бедно одетого русского мистера, – а это, мол, наш помощник китайца. Она может даже спросить, сколько в месяц стоит Суну его помощник.

Сун перешёл на английский:

– Это мой хороший друг Сье Эргай. Мы вместе работаем. Он также учится в университете на китайском отделении.

– Как интересно! Здравствуйте! Ни хао!

– Ни хао, ни хао! Жэньши ни во хэн гаосин! – Да, я действительно очень рад познакомиться с ней.

– Вы прекрасно говорите по-китайски. – Ладощка, серебряные лепестки.

– Что вы, мой китайский совсем никуда не годится.

Со всеми необходимыми фразами вроде бы справился. И Сун не подвёл, дружище! Мужик!

– Я не успел предупредить моего друга о приходе гостыи, и мы не подготовились. Честно говоря, мы собирались чуть-чуть даже выпить. Ха-ха-ха. Когда мы в этой квартире, то мы – холостяки, так что прошу извинить за наш вид.

Она сказала, чтобы я называл её по-китайски – Мэй, так ей привычнее, монгольское имя всё равно никто правильно не выговаривает. И все расселись вокруг стола.

Я провожал её от Суна. Она жила в общежитии МГУ в «морковке», так что ехали мы довольно долго, да ещё от метро шли пешком, я был рад этому. Сначала подождали автобуса, немного замёрзли, а потом она сказала: «Пошли пешком».

Где могут учиться такие женщины? Конечно, она училась на журналистике, конечно, уже заканчивала пятый курс и скоро уезжала из Москвы. А впрочем, какая разница – будет она жить в Москве или не будет. Почему я не встретил её лет на пять пораньше? Нет, конечно, пять лет назад у меня было бы не больше шансов, чем сейчас. Их было бы ровно столько же, вернее их точно так же не было бы нисколько, но это было бы вовремя. Такая встреча была бы вовремя.

Я бы не стал, может быть, жениться после этого на первой девушке, обратившей на меня внимание. Я бы, может быть, продолжал искать её или такую же, сравнивать, ждать, и моя жизнь продолжалась бы по-другому. А то теперь даже идти вот так вот по тёмному снегу вдоль университетского забора и болтать о всякой чепухе грустно немного.

Она родилась и выросла в Пекине, в Монголии даже никогда и не была. Её родители дружили с мистером Сюем, поэтому он к ней и обратился, чтобы она его поводила по Москве, по заснеженному городу.

– Что ты делал в Сибири?

– Работал. Хотелось там побывать, посмотреть. Вообще-то я с детства мечтаю в Монголию попасть. Я даже рядом был, границу видел, а так и не побывал.

– Ты зарабатывал там?

– Да нет, много денег не платили. Просто ездил, смотрел. Романтики, как говорится, захотелось по молодости. – Я когда об этом говорю людям, то всегда первый немного усмехаюсь так – хе-хе. Чтобы понятно было, что сам серьёзно такие вещи не воспринимаю. А то, если не похехекать самому, тогда собеседник может первым начать. А слушать это от других всегда обидней. – Хе-хе. А в китайском есть слово «романтика»?

– Есть, конечно. Ло-ман... ло ман чжу и. *Романтизм*. Я таких людей ненавижу.

– За что? – Мы уже поворачиваем направо, уже скоро закончится наша совместная прогулка, и мы расстанемся.

– Они все ненормальные. – Она даже остановилась. Повернулась ко мне и, возмущённо глядя мне в глаза, подняла руку к своему плечу, коснулась пальцами пальто. – У нас был такой писатель – он убил свою жену.

Половину из её рассказа я не понял, повествование было слишком эмоциональным и от этого сбивчивым, но, в общем, – любовный треугольник, и этот писатель в почтенном возрасте убивает свою почтенную жену, полюбив какую-то малолетку. Что к чему – не разобрать, но как выразительно она об этом рассказывала! А может быть, я плохо разобрался, потому что смотрел на её лицо и не очень сильно вникал.

– А ещё был тоже такой человек. Он ездил на запад и писал в журнал статьи и книги, фотографировал там, он был известный. Ты знаешь, у нас на западе есть пустыни. Очень большие. Там нечего есть, там мало воды. И он туда всё время ездил. Ему говорили – ты можешь умереть в этих пустынях. Но он был упрямый, и всё равно поехал опять. – Снова укоризненный взгляд мне в глаза. – И он умер там.

Если бы этот человек видел, как Монгэ Цэцэк возмущена его идиотскими поездками, то он бы, я уверен, отказался от них и спокойно писал бы занимательные книжки в своём рабочем кабинете в городе. Она до самой проходной шла молча, переживая выходы романтиков. У двери остановилась уже с улыбкой:

– До свидания, спасибо.

Я ещё посмотрел сквозь решётку ворот, как она идёт, помахал рукой её спине. Как замечательно блестел снег под фонарями. Она была очень красивая, и впереди её ждало всё самое что ни на есть интересное, радостное, жизнь была такая праздничная, а какие-то люди убивают жён или убиваются сами из-за каких-то своих идей. И я чувствовал, как это, должно быть, оскорбительно выглядит со стороны, когда всякие недоумки не знают, что делать со своими и чужими жизнями.

Я всё ждал, думал, может, обернётся. А потом она уже отошла слишком далеко, и я не мог разглядеть, оборачивалась или нет.

Я стал стирать носки каждый вечер. Перечитал книгу об экспедиции Козлова в Монголию и Тибет. Широкие пояса и подвески с нашитыми на них серебряными монетами там не упоминались, ну и что? Какая разница, носили их монголки или нет. Главное, что я согласен был работать у Суна, даже если бы он мне и вовсе не платил денег. К тому же он хорошо меня кормил.

Нет, деньги всё же были очень нужны. Мне необходимо было купить хотя бы новые джинсы. Так странно, что сейчас я уже не могу вспомнить лицо Цэцэк, но отчётливо вижу вытянутые колени, желтизну моих стареньких левисов, серую безрукавку, которую связала мне мама.

Вместо лекций я сидел в университетской библиотеке и листал подшивки газет с объявлениями. Мне нужны были «КамАЗы» в обмен на сахар, мне нужны были теодолиты и два двигателя для «ТУ-154».

Сун меня об этом не просил. «Твоё основное дело – это учёба в университете», сказал он мне. Только когда я убедил его, что мне это не мешает учиться, он отдал мне список тех товаров, которые были ему нужны, и с интересом наблюдал, как я дозваниваюсь по тем номерам, которые выписал в свою тетрадь. Сначала после каждого звонка он спрашивал меня, что это за организация такая, куда я звонил, с кем я разговаривал, и что мне ответили. Потом ему надоело, и он удалился в кухню готовить ужин. В этот вечер он впервые сходил в магазин за продуктами в одиночку, оставив меня в своей квартире. Мистер Суй где-то шлялся в сопровождении Монгэ Цэцэк.

– Большинство продавцов хотят не бартер, а деньги, – сказал я Суну, когда мы усадились за стол и принялись за жареную картошку и шампанское. Я никогда в жизни до этого не запивал жареную картошку шампанским. – Сделкой «КамАЗы на сахар» заинтересовалась пока что только одна фирма – «Квадра Плюс». Директор – господин Савельев, с ним можно встретиться на этой неделе, только необходимо предварительно созвониться.

– Хорошо, позвони ему завтра и скажи, что мы можем придти в любой день.

– С двигателями и теодолитами пока что хуже. Но мне дали несколько советов, куда стоит позвонить. Я могу делать отсюда междугородние звонки?

– Междугородние звонки? Да, хорошо, звони, но говори мне, куда ты хочешь звонить. – И мой начальник подлил мне вина.

Договориться о встрече с господином Савельевым мне удалось. Пришлось, правда, в этот день раньше уйти с занятий, но я чувствовал себя ответственным за это мероприятие, я своими руками продвигал бизнес мистера Суна.

Я заехал за ним, и мы отправились на станцию метро «Лубянка», около которой где-то в переулочках нам предстояло найти «Квадру Плюс». Мы немного прошли по Мясницкой и свернули направо. Так, розовый трёхэтажный дом, завернуть во двор и вниз по лесенке. Позвонить в дверь.

– Да, проходите, пожалуйста, раздевайтесь. Игорь Аркадьевич сейчас подойдёт к вам.

Сун поворачивает ко мне лицо, и я перевожу. Мы раздеваемся и вешаем пуховики на вешалку, присаживаемся у стола, который стоит в центре комнаты. Сун достаёт визитную карточку и кладёт её на стол рядом с собой, оглядывает офис. Мне почему-то немного неловко перед ним за не слишком презентабельный вид помещения – вдоль стен громоздятся картонные коробки из-под оргтехники, вспученный линолеум на полу, окошко, расположенное ниже уровня тротуара, завалено с улицы мусором.

– Добрый день, вы ко мне?

Высокий молодой директор «Квадры» огибает стол, становится лицом к нам, опираясь костяшками пальцев о столешницу. Волосы ниже плеч, широкие полы спортивного пиджака разлетаются над бумагами, мы смотрим в пряжку его ремня.

Я начинаю говорить, а Сун подцепляет свою приготовленную визитку с чёрного пластика стола и кладёт её перед Савельевым.

– Я звонил вчера, и ваша секретарша назначила нам встречу сегодня на четыре часа. Мистер Сун представляет китайскую экспортно-импортную компанию, которая хотела бы купить у вас «КамАЗы».

– Так это вы вчера звонили? Ясно. – Савельев откидывает длинную прядь со лба и возвращает карточку Суну. – Значит, слушайте, господа из экспортно-импортной компании, я очень сожалею, но с китайцами я работать не буду. Так что извините, и до свидания.

Сун бесстрастно выслушивает мой перевод, встаёт и, глядя в лицо директору, говорит:

– Мне кажется, что вы допускаете ошибку...

– Я понимаю по-английски, можете не переводить. (брезгливо мне). Я уже сказал, что не хочу работать и не буду работать ни с китайцами, ни с вьетнамцами. Мне неинтересно, что вы мне хотите предложить, я просто не хочу с вами работать. Я хочу иметь нормальный бизнес. – Директор распалился и почти кричал на Суну.

Мы встали. Мистер Сун снял с вешалки свою куртку, впопыхах уронив мою, но затем вернулся к директору и снова положил перед ним визитку.

– Когда вы научитесь делать нормальный бизнес, вы передумаете. Я жду вашего звонка.

Савельев, наверное, тоже захотел сделать что-нибудь театральное, как и Сун, поэтому он схватил карточку и швырнул её в сторону корзины для мусора.

Из «Квадры Плюс» мы шли очень быстро. Было видно, что Сун переживает. Хотя он всегда старался не выставлять напоказ свои эмоции, по нему запросто было видно, в каком он находится настроении. А здесь было из-за чего расстраиваться – только что при своём подчинённом он чуть было не потерял лицо.

– Мистер Сун, я очень сожалею, что так получилось. Когда я разговаривал с секретаршей, то она...

– Ничего страшного, ты не виноват в том, что делают эти люди. Но я не понимаю, почему они так делают.

Дальше мы шли молча, перепрыгивая через лужи с грязным снежным месивом, через сколотые с крыш сосульки, перешагивая через верёвки ограждения с красными тряпочками, протянутые в тех местах, над которыми сбивали эти сосульки.

На эскалаторе Сун всё-таки не выдержал:

– Он сказал, что не хочет работать с китайцами и вьетнамцами. Он думает, что мы одинаковые? Хочет иметь нормальный бизнес! Все хотят иметь нормальный бизнес. Я тоже не стал бы работать с вьетнамцами, вьетнамцы – это вьетнамцы. Они же вот... – Он сделал себе пальцами узкие глаза и в который раз пожал плечами. Я тоже пожал плечами.

Сун сказал, чтобы я больше не искал для него партнёров. Он сам позаботится об этом.

Я полагаю, что ключом к его принципам ведения бизнеса могли бы стать слова одного из учителей Дзена по имени Юнь-мэн: «Сидишь – и сиди себе; идёшь – и иди себе. Главное – не суетись попусту». Сун сидел и ждал появления партнёров, или, может быть, ждал, пока у нас научатся делать правильный бизнес и отличать китайцев от представителей прочих народов, населяющих Юго-Восточную Азию. Поэтому мы продолжали жить и работать в прежнем несуетливом режиме.

Мистер Сюй, к моему удивлению, не приставал больше ко мне с расспросами и обычно проводил вечера, уставившись в телевизор, сняв ботинки и положив ноги на край кровати. На него, наверное, тоже действовала расслабляющая обстановка суновского быта, а, может

быть, он просто слишком уставал после прогулок по Москве вместе со своей длинноногой экскурсоводшей. Возвращался он всегда один, без неё. Смешно было смотреть, как старик сидит у экрана и внимательно слушает новости, наклонившись вперёд и приставив сложенные рогулькой пальцы к ушной раковине. Один чёрт – ничего же не понимает.

Мы по-прежнему продолжали рассказывать друг другу байки за кухонным столом, и мне всё больше и больше нравилась китайская кухня. Сун, как внимательный хозяин, зачастую предлагал мне выбрать меню на очередной ужин, и я уже имел свои любимые блюда. Иногда выбор диктовался наличием в магазине того или иного составляющего.

Дня через два после изгнания из «Квадры» мы купили в гастрономе пять небольших живых карпов и запустили их в наполненную ванну. Мистер Сюй понаблюдал за плавающими рыбами, потом надел фартук и взялся помогать Суну. Он выхватывал из воды карпа, нёс его в кухню, где на разделочной доске моментально снимал с него чешую и потрошил. Затем карпа брал Сун и, обернув полотенцем голову и хвост, и, держа их на весу, прижимал к стоящей на огне сковородке с кипящим маслом. После непродолжительного обжаривания с двух сторон рыба помещалась в глубокую тарелку с соусом, причём так, чтобы голова и хвост опять же оставались снаружи.

Тарелка с рыбой стояла посередине стола, окружённая прочими, менее значительными тарелочками с салатами, капустой, разнообразными соусами и чем-то ещё. Сырые головы, лежащие на бортиках тарелки, открывали и закрывали свои рты в то время, пока мы терзали палочками прожаренные бока. Многие мамы и папы так же механически закрывают и открывают рты, когда кормят маленьких детей из ложечки.

Мы пили водку и закусывали огненной едой, так что по лицу текли капельки пота.

Сколько бы мало ни платил мне мой китаец, я никогда не торопился уходить от него вечером. И это происходило вовсе не от моей жажды работать. Что меня могло ждать дома – в смысле в той квартире, где проживала моя тёща и мы с женой? Меня там могли ждать спящий уже ребёнок, жена и тёща. И чуть позднее – учебник китайского вперемешку с танцующими в телевизоре девушками.

Самое плохое, что меня ждало по возвращении домой – это сознание своей некредитоспособности. Из той зарплаты, которую мне выдал Сун за прошлый месяц, ничего не осталось. Львиную долю я потратил в первый же вечер, когда после ужина отправился домой. У метро я взял ещё пива, а потом очутился в комиссионном, где моё внимание привлекло подвешенное у потолка красное платье. Оно висело на плечиках вполоборота ко мне и чуть покачивало своими, если можно так выразиться, бёдрами. Алёна, к сожалению, не видела этих призывных знаков в полутьме комиссионки, она сидела дома и, скорее всего, строила немного другие планы относительно денег. А даже если бы она и увидела красное платье, то сначала бы спросила его размер. Потому что платье оказалось велико размера на четыре. Моя жена никогда не упрекала меня за безденежность. Это, как мне кажется, происходило по двум причинам: во-первых, потому что она примерно представляла себе на что идёт, когда выходила замуж; во-вторых, потому что была удивительно параллельным человеком.

Женились мы по любви. Примерно в это же время повыходили замуж восемь её ближайших подруг. Алёнка была пятой или шестой среди них. Я участвовал в этом хороводе свадеб как приглашённый, как свидетель и как жених, и всё большая тревога овладевала мной. Создавалось впечатление, что десяток молодых самодостаточных студенток, вернее студенток, которым было достаточно собираться вместе и хохотать до упаду по любому поводу, эти девушки вдруг услышали некий сигнал, какой-то беззвучный призыв и бросились под венец.

Я с подозрением наблюдал за тем, как каждое утро Алёнка выглядывает из окна, чтобы узнать, в чём сегодня можно идти на улицу. Решение надевать или не надевать колготки зави-

село не от погоды, а от того, облегал ли капрон ноги женщин, уже вышедших на улицу. «Буду я одна как дура идти с голыми ногами!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.